Анатолий Терещенко

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО СМЕРША

МИР ШПИОНАЖА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко

Женское лицо СМЕРШа

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Терещенко А. С.

Женское лицо СМЕРШа / А. С. Терещенко — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2013 — (Мир шпионажа)

ISBN 978-5-6046512-3-0

Книга «Женское лицо СМЕРШа» посвящена редкой женской профессии – сотрудница легендарного СМЕРШа, хотя на войне у всех она была одна – противостоять вероломно напавшему врагу. Они занимали незаметные должности: машинистки-стенографистки, установщицы, следователи, сотрудники наружной разведки, без которых не могли обойтись специальные службы. По-разному сложилась их жизнь, но все они в одинаковой степени закалили свой характер в горниле войны. Рассказы сильных духом женщин-фронтовичек наполнены болью воспоминаний как о тяжелейшем для страны времени, так и о незабываемом периоде работы с лучшими руководством и сотрудниками СМЕРШа. В небольшой повести, представленной во второй части книги, рассказывается о мирных буднях старших лейтенантов госбезопасности Лидии Федоровны Малоземовой-Ваниной и Зинаиды Сергеевны Журавлевой-Шепитько, а также о воине-внуке второй – об Олеге Журавлеве, оказавшемся в горниле – только уже Первой чеченской войны, и покинувшем этот мир очень молодым. Книга предназначена для широкого круга читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6046512-3-0

© Терещенко А. С., 2013
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2013

Содержание

Предисловие 7
Часть I 9
Введение 9
Стенографистка Абакумова 10
Женщина-метеор… 15
Сотрудница штабного отдела 19
Шифровальщица Мария 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Анатолий Терещенко
Женское лицо СМЕРШа

Серия «Мир шпионажа»

© Терещенко А., 2022
© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2022

* * *

Предисловие

И пусть не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.
Николай Майоров

Автор представленной книги, с эпиграфом поэта-фронтовика Николая Петровича Майорова, погибшего в одном из сражений 1942 года, более 30 лет служил в органах военной контрразведки. Из них около 20 лет – в центральном аппарате 3-го Главного управления КГБ СССР, где плечом к плече, но уже в условиях мирного времени сражались рядом с ним живые свидетели блестящих операций армейских контрразведчиков, проведенных в годы Великой Отечественной войны. В их числе были и женщины-контрразведчицы легендарного СМЕРШа, служившие Родине «не славы ради, а чести для».

С одними автору довелось непосредственно работать, с другими встречаться и беседовать в неслужебной обстановке. Назову только некоторых из них: З. П. Алексеева, Л. В. Антипова, Ф. Ф. Борисова, В. А. Воробьева, З. П. Ворошилова, Н. А. Гришина, М. И. Диденко, Л. И. Ерасова, А. К. Зиберова, Е. Я. Костина, М. С. Мосеева, А. И. Рудакова, А. Н. Сафронова, В. А. Смирницкая, Л. А. Сосипаторова, В. С. Тишкина, А. Г. Ушакова, Н. М. Хритина, А. С. Швагерова и Е. П. Юнина.

Они занимали разные должности: переводчики и стенографистки, секретари и следователи, машинистки и установщики, шифровальщицы и оперативные работники, сотрудницы наружной разведки и хозяйственники, кадровики и цензоры…

Несмотря на некоторую специфику своей деятельности, все они делали главную работу – защищали Отчизну. Некоторые из них уже ушли из жизни, другие продолжают идти вместе с нами по нелегкому пути сегодняшнего бытия в преддверии юбилея со дня образования Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР.

Вчерашние молодые, красивые и крепкие духом десятиклассницы, студентки и служащие, пронизанные патриотическими порывами, шли туда, куда их направляла родина, принявшая на себя удар сильного и коварного противника. И это, несмотря на обжигающие сознание дни и годы репрессий.

Отечество в опасности – и забывались все невзгоды, огорчения и унижения. Каждый в то время считал, что он из тех, как кто-то сказал из великих, кто хочет скорее выстирать флаг вместо того, чтобы сжечь его. Политики уходят, а народ и его страна остаются. Верили в победу, а потом и в лучшую жизнь и мадонны из военной контрразведки, которая с 1943 по 1946 год называлась словом «СМЕРШ».

По-разному сложилась жизнь у этих защитниц Родины, но все они в одинаковой степени прошли обжиг своих характеров в горниле войны.

Книга состоит из двух частей: документальной и художественно-документальной. В документальной части автор повествует о мадоннах СМЕРШа, с которыми пришлось общаться или знакомиться с материалами на них. Они конечно же в отставке: лейтенанты госбезопасности – Анна Ильинична Рудакова и Анна Степановна Швагерова; старшие лейтенанты госбезопасности – Анна Николаевна Сафронова, Валентина Андреевна Воробьева, Зинаида Павловна Алексеева, Евгения Яковлевна Костина; капитаны – госбезопасности Анна Кузьминична Зиберова, Федосья Федосьевна Борисова и майор госбезопасности Валентина Семеновна Тишкина.

Вторая часть книги представляет собой художественное повествование.

В качестве героев книги выступают старшие лейтенанты Лидия Ванина и Зинаида Шепитько, вобравшие частицы жизни и службы каждой из перечисленных выше сотрудниц военной контрразведки. В описании жизни и деятельности подруг нет ни одной выдуманной

истории – все они из жизни сотрудниц военной контрразведки, в разное время рассказанных автору.

Героини повести, как и их живые мадонны СМЕРШа, в то опасное для страны время действовали по принципу «Не спрашивай, что твоя отчизна может сделать для тебя, – спроси, что ты можешь сделать для своей страны, попавшей в беду». И они многое делали и сделали для своей Родины!

Не хочу говорить об уходе некоторых из жизни – они останутся в нашей памяти живые, потому что бессмертны своими скромными делами, как считали сами мадонны СМЕРШа.

Часть I

Введение

В этой части пойдет рассказ о девяти отважных женщинах, отдавших много сил и здоровья службе в военной контрразведке с первых дней войны, в том числе и в период деятельности СМЕРШа с 1943 по 1946 год. Автору этих строк посчастливилось работать с некоторыми из них в центральном аппарате 3-го Главного управления КГБ СССР, которое отвечало за безопасность в Вооруженных Силах СССР.

Как говорится, все интересное притягательно. В 70–80-х годах уже прошлого столетия – как стремителен бег времени (!!!), молодые сотрудники 3-го Главного управления КГБ СССР не раз организовывали встречи с ветеранами-чекистами, в том числе и с женщинами – сотрудницами эпохального военного времени.

Как-то перед очередной встречей ветеранов СМЕРШа первый заместитель начальника Главка генерал-лейтенант Александр Иванович Матвеев, сам прошедший все 1418 дней военного ада и, кстати, написавший книгу «1418 дней и ночей Великой Отечественной войны», заметил, что было бы хорошо, если бы сотрудницы-ветераны поделились своими воспоминаниями о своей работе в СМЕРШе.

– А ну-ка, мадонны СМЕРШа, расскажите и вы о своих фронтовых путях-дорогах! Неужели нечего рассказать?!! Не верю!

Будучи по характеру скромными сотрудницами и в силу специфики службы, они никогда не говорили о своем участии в конкретных операциях подразделений военной контрразведки, в которых им довелось участвовать. Как поясняли дамы, хрущевская оттепель после преступной казни руководителя СМЕРШа генерал-полковника В. С. Абакумова и ареста некоторых невиновных руководителей оперативных подразделений, так негативно повлияла на само понятие «сотрудник госбезопасности», что о фронтовой работе никто не желал даже заикаться. Многие честные и порядочные коллеги были отправлены на нары. Массово проходила очередная чистка профессионалов. А потом события давно минувших дней, с учетом специфики памяти, растворялись в мытарствах быта и работы.

Мне запомнилось это словосочетание генерала – «мадонны СМЕРШа». И вот с годами развилась мысль написать об этих очаровательных молодых девушках, смотрящих веселыми и счастливыми глазами в наше запутанное сегодняшнее время с затертых черно-белых фотографий, подернутых со временем коричневым налетом.

Время властно над фотографиями, но не властно над героическими делами наших старших товарищей. По существу, эти дела можно и нужно называть по-другому – они совершали подвиги!

Стенографистка Абакумова

Старший лейтенант государственной безопасности в отставке Зинаида Павловна Алексеева, сотрудница СМЕРШа НКО СССР, участница боевых действий в составе Управления особых отделов НКВД СССР Карельского фронта, впоследствии была прикомандирована к ГУКР СМЕРШ НКО СССР.

Стенография – этот метод быстрого письма. Он тоже часто использовался в органах военной контрразведки. Обратимся к истории этого феномена. Стенография (от греч. *stenos* – узкий, тесный и *grafo* – скоростное письмо), основанная на применении специальных систем знаков и сокращенных слов и словосочетаний, позволяющих вести синхронную запись устной речи и рационализировать технику письма. Скорость стенографического письма превосходит скорость обычного письма в 17 раз!!!

Термин «стенография» введен в 1602 году в Англии Дж. Уиллисом. Эта система допускала, что каждый знак мог иметь четыре наклона в четырех разных направлениях и исходная позиция могла быть написана 12 видами.

В 1837 году Исаак Питман представил свою систему стенографирования, основанную на звуках, т. е. все слова пишутся так, как слышатся, а не так, как произносятся по буквам.

В 1888 году англичанин Грегг усовершенствовал систему стенографирования, в таком виде она существует и в наши дни.

Именно эту профессию приобрела Зинаида Павловна Алексеева, о которой пойдет повествование. Давая интервью автору, она воскликнула: «Ой, первый раз буду говорить с пишущим коллегой-оперативником, который понимает тебя с полуслова, а то все говорила с журналистами, далекими от нашей службы, не знающими сути нашей работы, а потом читаешь и краснеешь и за них, и за себя».

– Зинаида Павловна, расскажите о своих фронтовых буднях.

– Я работала в органах госбезопасности с апреля 1941 года. В 18 лет добровольно ушла на войну. Оказалась на Карельском фронте. Потом, в 1944-м, меня вызвали в Москву, в Главное управление контрразведки СМЕРШ и оставили для прохождения дальнейшей службы. Уже после войны я вместе с мужем работала в Управлении МВД Великолукской области.

– Наверное, в ходе службы приходилось общаться с разными категориями лиц, которыми интересовались органы военной контрразведки?

– Да, работала на допросах разных преступников – от пойманных агентов немецких спецслужб до пленных гитлеровцев, в том числе высокого уровня. Даже после войны. Помню, в августе или сентябре 1946 года, я в то время находилась в Германии, в нашей оккупационной зоне, шел допрос немецкого офицера, который работал с Яковом Джугашвили – сыном Сталина. Допрашивал его начальник контрразведывательного отдела офицер по фамилии Коротя – грамотный оперативник. А если честно, то просто умница. Он профессионально поставленными вопросами вытягивал из него одно признание за другим. Сомнений никаких не было, что перед нами тот человек, который имел отношение к делу. А потом – смысла говорить ему неправду не было, это же был 1946 год! Многие события остались в прошлом. Ничего уже не исправишь.

Помню, как немцы листовки сбрасывали с фотографиями, где был Яков и два немца. Может быть, это как раз один из них и был. Гитлеровцы точно знали, что это сын советского вождя. Немец говорил, что они хотели операцию провести, чтобы через листовки донести до каждого русского воина, что сын Сталина сдался в плен. В то же время подчеркивал, что вел себя он достойно. То, что ему предлагали, он все отрицал, на уловки не шел. В специальном

сообщении Сталину военные контрразведчики писали, что его сын держался достойно и мужественно – это было основной темой документа! Это была правда!

Поверьте, мы любили и почитали Сталина. Не надо за это как-то нас осуждать – это наше личное дело. Это частица нашей отгоревшей жизни. Помню, как однажды на нашем Карельском фронте кто-то пошутил: «Сталин к нам приехал! Сталин на нашем фронте!» И такой был подъем у всех, вы даже представить не можете: Сталин на нашем фронте, бить будем всех подряд! Вы понимаете, какое настроение было у солдат? Не было Сталина, конечно, уж мы, контрразведка СМЕРШ, это знали! Но все как-то поверили, этот слух шел по всему фронту… Разве такая неправда не была правдой почитания своего Верховного главнокомандующего в войсках? Была!

* * *

– Как вы попали в стенографистки шефа СМЕРШа Абакумова?

– Интересный вопрос: как попала? Судьба – и только!

15 ноября 1944 года, в связи с выходом Финляндии из войны, был расформирован Карельский фронт. После этого войска, в том числе и нашего фронта, стали перебрасывать на Дальний Восток для войны против милитаристической Японии. Штаб бывшего Карельского фронта стоял в Ярославле. Но я на Дальний Восток не поехала: пришла шифровка, чтобы я прибыла в Москву и после Нового года, в январе 45-го, я уже находилась в Москве. Нас было шесть девчонок, приехавших с разных фронтов. Разместили нас в кабинет Селивановского – заместителя Абакумова. Там мы все и работали…

Старшая группы приходила и забирала результаты нашей машинописной деятельности. При этом учитывалось, кто и сколько страниц за день напечатал. Я печатала профессионально быстро. Машинисткой 1-й категории считалась та, которая в день могла напечатать 50 страниц, остальные принадлежали к высшей категории или «вне категории». Я печатала по 120 страниц в день…

– А как произошло ваше знакомство с Абакумовым?

– С ареста…

– ???

– Да, с внезапного ареста!

– Кого?

– Меня!

– Как?

– Дело было так. Мы, прикомандированные, получали денежное довольствие не в финотделе, а в полуразрушенной церковке на Пушечной улице. И вот как-то я пришла туда, стоят в очереди пять-шесть офицеров, ждем получки. И меня кто-то, помню, спросил: «С какого фронта?» «С Карельского», – отвечаю я.

А кто-то сказал, что это теперь уже вроде бы Дальний Восток…

Но я эту информацию мимо ушей пропустила. Мне это было ни к чему – я зарплату получала. Подошла к окошку – получила. Радуюсь – богатенькая! Вернулась на свое рабочее место, и вдруг – звонок старшей машинистки: «Козина (девичья фамилия Алексеевой. – *А.Т.*), к Абакумову!»

Пошла.

Мы на седьмом этаже работали, а его кабинет находился на четвертом. Меня просто чьи-то руки быстренько втолкнули в его апартаменты. Гляжу – генералов полно в его кабинете. А он, шеф мой, рослый Абакумов, сидит вдалеке за длинным столом, такой маленький, как мне показалось, и злой. Генералы стоят навытяжку, словно намагничены его разносом. Взглянул

на меня Виктор Семенович и как рявкнет: «Кто тебе сказал, что ваш фронт на Дальний Восток идет?»

Я ничего ему сразу не смогла ответить, так как не сообразила, в связи с чем этот вопрос он задал мне. Да он и не слушал бы меня, потому что сразу резанул словесно: «На шесть суток ее!»

Сказал и меня повели. Правда, вольностей и жесткости «конвоиры» не допускали. Один из них был Градосельский – такой высокий, молодой мужчина.

– Я его знал, – заметил я.

– Очень хорошо, значит, представляете. Ну, он привел к дежурному. Тот мне приказал снять ремень и препроводил в комнату, где находились столик, табуретка и откидные нары, прикрепленные на день к стенке. Вот там я все шесть суток и отсидела.

– Обиды не было на начальника?

– Нет, конечно, так как молодость не злопамятна, так как она всегда при силе и выдержке. Что мне тогда, молодой, было отсидеть несколько суток.

Но после «отсидки» на гауптвахте я снова встретилась с Абакумовым. А произошло это событие так. Мои подруги-коллеги вскоре разъехались по фронтам. Спрашиваю у старшей: «А что мне делать?» Она отвечает: «Работать!»

Ну, я и «грею» клавиши. Как-то пришла с работы, включила черную тарелку – бумажный репродуктор, и слышу: Абакумову присвоено звание генерал-полковника.

Пока утром ехала на работу, родилась мысль: напишу рапорт на новоиспеченного генерал-полковника, чтобы меня отправили снова на фронт, штаб его, как я уже говорила, стоял в Ярославле. Пришла на рабочее место, и застучали клавиши машинки, выбивая текст:

> «В связи с тем что я работаю здесь не по специальности, прошу меня откомандировать обратно на мой фронт.
> *Козина».*

Понесла в приемную. Передала рапорт молодому пареньку: «Не могли бы вы доложить Абакумову?» – «Доложу».

И я ушла к себе. Проходит некоторое время, и дежурный кричит в трубку: «Козина, к Абакумову!»

Иду и думаю: вот сейчас он меня отправит в Ярославль – к своим. Стучусь и открываю дверь. Вижу, он один сидит, не в форме. На нем белая рубашка. Подхожу поближе. Он вдруг спрашивает: «Ну и что такое? Почему тебя используют не по специальности? Какая у тебя специальность?» «Стенографистка… Меня вызвали в командировку, а я здесь работаю машинисткой, а стенографистке на машинке не положено работать», – отвечаю ему. «Почему?» – «Потому что скорость тогда теряется».

Он смотрит на меня, явно не понимая мой ответ, а потом задает вопрос: «Ну, ты же москвичка…» – «Да, москвичка…» – «Так война же скоро кончится…» – «Да, – говорю, – я понимаю». – «И чего ты, москвичка, поедешь на фронт? Оставайся здесь работать», – говорит он так убедительно. «Хочу войну закончить на фронте. Вот кончится война – вернусь в Москву…» – «Ну ладно, я подумаю! И потом скажу», – задумчиво произнес он.

На следующий день утром буквально только вошла в кабинет – звонок: «Козина, к Абакумову!»

Иду и думаю: сейчас, наверное, скажет: уматывай, чтоб я тебя не видел, а то мешаешь сосредоточиться! Только вошла в кабинет, а он мне и говорит: «Ну вот что, я подумал и решил: будешь работать у меня. Мне такая стенографистка нужна. Станешь моей личной стенографисткой».

В кабинете находился еще один генерал. Это был, как потом выяснила, его заместитель по кадрам Иван Иванович Врадий. Абакумов и говорит ему: «Оформи ее моей личной стено-

графисткой и имей в виду, я ее наказывал. Сделай так, чтобы в личном деле этого следа не было». Врадий молча кивнул и покинул кабинет.

Мне тоже надо было уходить. Но Абакумов вдруг заметил: «Видишь, – он указал в конец своего длинного кабинета, – там стоит столик? На нем телефон. Вот это твое рабочее место. Будешь приходить и здесь начинать работать – независимо, здесь я или не здесь. Садишься и работаешь».

Вот и весь разговор! Потом каждый день я приходила, садилась и работала.

– Работы, наверное, много было?

– Нет, наоборот: раза два он мне продиктовал, и все. Но приходила я на работу всегда точно, в утреннее время. Трудилась я полный рабочий день, как все машинистки: в 19:00 все заканчивали. И я тоже работала в таком режиме. Он меня никогда не задерживал. А ведь шеф, бывало, покидал кабинет в 5–6 утра! Абакумов был очень внимательный человек к оперативному составу, к своим подчиненным. И подчиненные его за это уважали – видно было, чувствовалось. Сама обстановка в Центре такая была – уважительная.

– Как у вас в памяти запечатлелось известие о завершении войны?

– Было утро 2 мая. Сижу, работаю. Вдруг на моем столе зазвонил телефон правительственной связи «ВЧ». Мужской, знакомый голос стал диктовать «шапку»:

«Начальнику Главного управления СМЕРШ
генерал-полковнику т. В. С. Абакумову

Спецсообщение.

Сегодня, 2 мая 1
945 года, Германия капитулировала.
Передал Сиднев».

Он, наш бывший руководитель Карельского фронта, меня узнал по голосу, а потом спрашивает: «Козина, как ты попала на Лубянку?»

Я коротко ему рассказала. После того начались звонки. Именно на этом месте я познакомилась с моим будущим мужем Алексеевым, начальником секретариата у Сиднева. Что касается отношений с Абакумовым, то они все время были чисто служебные. Он работает, и я работаю.

– Чем объясните такое благожелательное отношение к вам?

– Думаю, как совестливый человек, он решил пожалеть меня за наказание, явившееся результатом взрыва эмоций. А, как известно, холерики быстро остывают. Ничего другого не было.

Вспоминаю еще один забавный случай. Абакумов подписал приказ о премировании многих работающих машинисток. Мы, в знак благодарности, решили сброситься и купить ему букет. Задумали – сделали. Он, конечно, был удивлен и тронут. Наверное, первый раз в жизни женщины ему дарили цветы…

* * *

Кроме работы в аппарате у Абакумова, стенографисток активно привлекали следователи. Только прикомандированных со всех фронтов их, помню, было девяносто три. Бывало так: в 9 вечера у 4-го подъезда стоит автобус, спускаюсь, еще две стенографистки, следователи, и нас везут в Лефортово, там расходимся по кабинетам, где будет происходить допрос. В пять утра все заканчивают. Автобус довозит нас до метро – и все разъезжаемся по домам. В 10:00 надо прибыть на рабочие места…

Приезжаю на работу, и тут же в нее включаюсь. Надо расшифровать тексты, которые записала. Допрашивали следователи предателей, карателей, шпионов, военнопленных.

Вот так между работой мы с Алексеевым расписались. Он мне предложил ехать к нему на 1-й Белорусский фронт. Тогда я и сказала Абакумову о своем желании.

«Ну и зачем тебе туда? Ты же москвичка, что ты там будешь делать?» – «Да вот я выхожу замуж…» – «Ну и что… И кто он, как фамилия?» – поинтересовался Виктор Семенович.

«Алексеев». – «Это тот, что у Сиднева работает, секретариатом руководит?» – «Да!..» – «Ну, хорошо. И зачем ты туда поедешь? Мы его сюда отзовем, найдем ему рабочее место – и служите Родине на здоровье, и женитесь на здоровье». – «Я же в коммуналке живу, – пожаловалась я. – У нас одна комната… сестры, мама. Куда же?» – «Дадим жилье – квартиру дадим!» – «Разрешите, я в отпуск поеду? Я только в отпуск съезжу – и все». – «Ну ладно, скажи в кадрах, что я разрешил…»

Вот таким был Абакумов. Был очень заботливым человеком.

Представляете, знал, что некто Алексеев служит у Сиднева и на какой должности. Вот память! А что касается отпуска, то он у меня затянулся на полгода.

Как-то приезжает Абакумов в Германию и у Сиднева спрашивает: «Кайтесь: кто украл и прячет мою стенографистку? Ведь полгода уже прошло… Хватит, хватит!»

По приезде из Германии Абакумов возглавил МГБ. Нас с мужем направили в Московское управление, а потом мы переехали в Великие Луки.

Об аресте своего шефа я узнала из газет…

В завершение нашего разговора скажу вам: Виктор Семенович любил и людей, и свою работу, и вообще любил жизнь!

Женщина-метеор…

Капитан государственной безопасности в отставке Федосья Федосиевна Борисова, сотрудница СМЕРШа НКО СССР, бывший старший оперуполномоченный Особого отдела Краснознаменного Балтийского флота.

Впервые имя этой женщины я услышал из уст своего первого оперативного начальника генерал-майора Николая Кирилловича Мозгова при его выступлении в День чекиста во Львове – в Особом отделе КГБ СССР по Прикарпатскому военному округу. Повествуя о фронтовых буднях во время службы в Особом отделе, а потом в СМЕРШе на Балтфлоте, он вспоминал некоторые операции и оперативников, участвовавших в них.

Рассказывал он и о женщине – старшем оперуполномоченном на Балтике Федосье Федосиевне Борисовой. Потом, годы спустя, он подарил сослуживцу по Прикарпатью книгу «Чекисты Балтики» с его воспоминаниями «Тревожные дни на Ханко». В этой книге упоминалось и имя Борисовой. Ей был посвящен отдельный материал.

Говоря о ее деятельности, характере, географии службы, он назвал сотрудницу военной контрразведки «женщиной-метеором». На самом деле, это была очередная мадонна СМЕРШа, исколесившая по местам службы почти всю страну.

Родом она была с Украины. Родилась в образованной и большой семье с восемью детьми. Отец – Федосий Третьяченко, был учителем в большом селе Старая Буда Киевской области. В конце 20-х годов на Украине жилось несладко. И люди срывались с родной земли и отправлялись за счастьем в Сибирь. Уехала осваивать Алтайские земли и семья учителя. Любимой дочери Федосье было всего десять лет.

Это было время свирепствования на Алтае остатков белогвардейских банд. Они расправлялись с учителями, военными, коммунистами и вообще со сторонниками советской власти. Вот как вспоминала наша героиня тот период.

Банда Шишкина орудовала днем, налетала откуда-то из леса, наводя ужас на местных жителей и оставляя после себя кровь, трупы, слезы… Черная слава бежала впереди них. Бандиты прошли рядом с селом Егорьевкой, в котором учительствовал отец Федосьи.

Первым бандиты схватили локтевского судью Василия Муромцева. Привязали за ноги к хвосту коня и погнали. Бился живой человек о дорогу, об ухабы да камни. В кровавое месиво превратилось его лицо. В таком виде он и принял смерть мученика. И братьев его убили эти звери. А секретарю райкома комсомола Павлу Локтеву голову шашкой срубили. Откуда такая ненависть лютая бывает у людей? Наверное, оттого, что они превращаются в такие моменты в звероподобные существа.

Отец в тот период в Змеиногорске оказался. Совещание там проходило учителей и директоров школ. Бандиты откуда-то узнали об этом. Налетели, ворвались в здание, арестовали педагогов и заперли в тюрьму. Расправа готовилась чуть позднее. Но нашлись смелые люди. Из Рубцовки на конях поскакали в Усть-Каменогорск, где красные стояли. Успели предупредить, и красноармейцы разгромили банду. Заключенных освободили. Так отец остался живым, но от стресса стало сердце болеть, и в 1931 году его не стало.

И вот тут-то Феня заточилась на человеческой подлости. Она вспомнила, что за две недели до нападения банды приезжал к ним инспектор школ. Принимал его отец дома – накормил, напоил. Говорили о школьных делах. Отец партийным был, инспектор знал это. А оказалось, что этот человечишка был с бандитами заодно. И совещание-то учительское собрано было по его указанию. А может, он сам и был этим Шишкиным.

Когда красные освободили арестованных, отец рассказывал, как «инспектор» на коне прискакал с бандой. За одной лошадью труп локтевского судьи весь в крови волочится, а «инспектор» гарцует на своем коне да показывает, кого из учителей брать. Увидев отца, пообещал ему: «Вечером расстреляем».

Сегодня по вине партийного руководства СССР мы, лишенные Большой Родины, которую предали и разломали, часто от них самих, перекрасившихся под либералов-рыночников и их последователей, слышим, что Советам власть досталась легко – она, мол, валялась на дороге. Глупость все это. Слишком прост и слеп тот человек, который думает, что советская власть нам даром досталась, вроде подарка новогоднего. Нет, за нее жизнями заплачено!

* * *

Эти кровавые картины из детства постоянно будили мысли девушки: как дальше строить свою жизнь? Природа ее не обидела: высокая, сильная, красивая, общительная, с ямочками на щеках…

Когда разгромили банду, поплакала Федосья, ее чаще называли Фенечкой, по погибшим товарищам, а потом вытерла покрасневшие глаза жесткой ладошкой и дала себе жесткий обет:

«Нет, распускаться нечего. Слезы – слабость наша. Иной раз, проливая слезы, мы ими обманываем не только других, но и себя. Слезы – оборонительная жидкость. С врагом бороться – силушка и знания нужны. Только слабость не прощает, только бессилие не забывает».

А после этих слов она посвятила себя общественной работе. Выбрали Феню членом райкома комсомола города Локоть. Потом она стала заведующей женотделом в райкоме партии. Окончила юридические курсы. Стала нотариусом, членом суда, увлеклась стрельбой. По призыву общественного деятеля В. С. Хетагуровой к девушкам уехала строить Комсомольск-на-Амуре. В Хабаровске работала в аппарате управления НКВД оперуполномоченным – боролась с сектантами, расхитителями, бандитами.

Вскоре вышла замуж за коллегу – оперуполномоченного Борисова, которого вскоре перевели в Ленинград. Он был коренным жителем Северной Пальмиры.

В июне 1940 года Федосья Борисова тоже оказалась в Северной столице. Война застала сотрудницу НКВД внезапно, как и всех советских людей. За каких-то полгода голодной блокады Федосья Федосиевна потеряла свою монументальность, сбавила вес. Еще бы: голодала, как все, прыгала по крышам, сбрасывая или туша на месте зажигалки, обслуживала «Дорогу жизни». Помогала чем могла родственникам мужа. Одним словом, метеор, а не женщина, – везде успевала.

Потом с нею познакомились работники Особого отдела Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). Забрали ее на Ленинградскую морскую базу КБФ. Предложили работу по обслуживанию морских госпиталей. На первый взгляд объекты слабые в смысле разведывательных устремлений гитлеровских спецслужб, но старший оперуполномоченный Федосья Борисова нашла сферу приложения своего богатого опыта и на этих объектах.

Как-то через агентуру она получила сигнал, что один из медиков с высшим образованием стал проводить с врачами странные беседы по склонению их к измене Родине. Нужно было перепроверить эти сведения. И вот уже на ее столе лежат несколько мелким почерком исписанных донесений. Она читает, и кровь приливает к щекам: «Как же можно так себя вести в годину тяжелейших испытаний?! На нас напал враг, а не мы на него. А этот тип твердит: люди, бегите из страны, потому что Германия нам родная страна, она добра желает. Что он не видит, что фашисты сделали за несколько первых месяцев войны? Нет, он настоящий враг!» Она еще раз перепроверила эту информацию. Факты подтвердились. И только после этого материалы с делом, назовем его «Предатель», стали достоянием Особого отдела НКВД Ленморбазы КБФ…

А вот другой случай, когда сотрудница военной контрразведки предотвратила идеологическое разложение среди медперсонала одного из оперативно обслуживавшихся госпиталей.

Один санитар стал активно распространять сведения антисоветского содержания с призывами бросать оружие и сдаваться немцам. Сначала медперсонал считал его чуть ли не больным на голову, но потом выяснилось, что он вполне здоров и обиделся на власть за отсидку в тюрьме – обворовал магазин…

Всяких историй за время блокады было много.

* * *

В 1943 году, как известно, особые отделы приобрели новое название – СМЕРШ. Федосья Борисова стала старшим лейтенантом. Госбезопасность тоже на плечи «положила» погоны. 18 января 1943 года силами Ленинградского и Волховского фронтов блокада была прорвана, а через год она была полностью снята.

Госпитали пошли вслед за фронтами загонять фашистского зверя в берлинское стойло. На многое пришлось насмотреться мадонне СМЕРШа. Были и казусы.

Так, развернули госпиталь в Койвисто (ныне – Приморск. – *А.Т.*) и стали принимать раненых с островов Биорки, Тюрисари, Пейсари. Госпиталь так и шел за армией, за частями, личный состав которых отбивал острова у противника.

Сотруднице СМЕРШа доложили, что среди раненых есть иностранец. Заинтересовалась Борисова этим человеком.

На раненом одежда окровавлена, изодрана, ее сразу выбросили. Ночью подобран на поле брани почти без сознания. Подходит врач к чекистке и говорит:

– Этот тип, наверное, вашу службу заинтересует. Он, очевидно, не немец, а финн. Посмотрите, поговорите.

– А откуда известно, что он финн? – спрашивает Федосья Федосиевна Борисова.

– Говорит не по-нашему и не по-немецки, впрочем, и на финский язык его речь очень мало похожа.

Сотрудница СМЕРШа решила сама поговорить с ним. Зашла в палату, присела у кровати. Пыталась заговорить с ним. Странные слова человек произносит. Решила подождать несколько дней, понимая, что не только лекарства, но время – лекарь. Зашла снова в палату и спрашивает его:

– Ты сам-то откуда будешь?

На лице появилась маска осмысленности. И вдруг он отвечает:

– С Урала! С Урала я буду!

Оказалось, свой боец был. Просто от болевого шока стал заговариваться…

Летом 1944 года Борисова трудилась в администрации госпиталя для выздоравливающих офицеров. Приходилось работать и с военнопленными.

Вели себя со слов Федосьи Федосиевны последние послушно – отвечали на все поставленные вопросы. Эсесовцы были высокомерны, но спесь с них быстро сбивали разоблачениями их участия в конкретных преступлениях.

Как рассказала Елена Серебровская, побывавшая у Федосьи Борисовой дома в Северной столице: «…она не одинока. Чуть ли не на каждом этаже многоквартирного дома есть у нее знакомые, друзья. У одних она, случается, посидит, покараулит дошкольника. Другие забегут к ней: “Чего вам купить в молочном магазине? Рощинский творог привезли, и сметана свежая…”»

Простыми, земными людьми были сотрудницы СМЕРШа.

Это сегодня некоторые болтуны и Иваны, не помнящие родства, хотят их сделать зверьми, существами не от мира сего.

Не дадим! Они были людьми!

Сотрудница штабного отдела

Старший лейтенант госбезопасности в отставке Валентина Андреевна Воробьева – ветеран СМЕРШа и ведущего штабного отдела военной контрразведки, прослужившая в центральном аппарате на Лубянке более 40 лет. Она практически летописец и свидетель истории возникновения, развития и существования СМЕРШа и дальнейшего совершенствования контрразведывательных органов.

Война!.. Для многих из сегодняшних современников она виртуальна, познаваема только через книгу, кино, телевидение и, как редкость, устные повествование тех, кто ее пережил, за исключением «афганцев» и «чеченцев», участвующих в этих сумасбродных сшибках.

А очевидцев – участников Великой Отечественной войны остается все меньше и меньше. Поэтому надо спешить, чтобы уловить через живое слово реальный отзвук того страшного времени для страны и нашего народа, которое наступило после 22 июня 1941 года.

Сороковые-роковые, особенно их первая половина, были своего рода травматической эпидемией, безжалостно отправившей на тот свет миллионы жизней. Наполеон I не случайно заметил, что война состоит из непредусмотренных событий. Жизнь многих советских граждан была поломана именно этими непредусмотренными событиями.

Одной из героинь, пытавшейся вместе с коллегами по службе на Лубянке предусмотреть возможность нападения фашистской Германии, а потом участвовавшей в незримой битве спецслужб, была и остается в моей памяти и многих моих коллег В. А. Воробьева. Для старшего поколения военных контрразведчиков – наша Валюша, для нас, более молодых, – наша Андреевна, бывший секретарь 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ СССР старший лейтенант в отставке Валентина Андреевна Воробьева.

Это ее мы в шутку называли «Валя-пулеметчица» из-за скорости печатания на пишущей машинке. Нет – она скорее не печатала на своей «Оптиме», а громко писала, причем быстро и грамотно.

В связи с 90-летием органов военной контрразведки и, зная, что 23 февраля – ее день рождения, автор с коллегой полковником в отставке В. Ф. Евсеевым навестили нашего дорогого человечка, от звонка до звонка проработавшую в ГУКР СМЕРШ НКО СССР – с 1943 по 1946 год – Валентину Андреевну. Она пережила рождение этого легендарного подразделения и его ликвидацию после войны.

Встретила нас внучатая племянница Ирина и, словно извиняясь, пропела:

– Бабушка подойти к двери не смогла. Сломала ногу…

– ???

– Ходила в магазин и поскользнулась. Сами знаете, как с наледью справляются сегодня коммунальщики.

И вот мы сидим за маленьким овальным столом в небольшой комнатушке однокомнатной квартиры. На скатерти, быстро накрытого бутербродами и нарезанной колбасой стола хлопотуньей Иришкой, появились и наши подарки: конфеты, буклеты, книги, торт и цветы.

– Ну, зачем же вы это, у меня все есть, – по обыкновению стеснительно замечает скромная мадонна СМЕРШа.

– А вы зачем?

– Уж, извольте, от нашей славянской традиции никуда не денешься: гость – в избе, хлеб – на столе. Так уж издревле на Руси повелось. Она нас узнала, несмотря на почти 20-летний перерыв в общении.

Пока накрывался стол, она подслеповатыми глазами ласково смотрела на нас «молодых» – 70-летних мужиков.

– Не представляете, как я рада, как я рада, что вы пришли в этот день. Ведь я ровесница Советской, а теперь уже Российской армии – родилась ведь 23 февраля 1918 года. Спасибо, мои дорогие, что навестили меня, плохо слышащую и видящую старушку, – знакомым и таким добрым голосом говорила с нами наша зрелость из рубежей в несколько десятков лет.

Посыпались вопросы…

– Валентина Андреевна, а когда начался ваш трудовой стаж?

– Сразу же после окончания школы и курсов машинописи. В непростом в смысле продовольствия, даже в Москве, 1932 году, когда меня приняли машинисткой в одно из управлений Главного штаба ВВС РККА, где я проработала до 1939 года. А потом мне как-то позвонил незнакомый мужчина, предложил встретиться и переговорить в отношении «дальнейшего профессионального роста». Назвал место и время встречи. Адрес был таков: Кузнецкий мост, дом 4. Побежала на встречу в обеденный перерыв. Так я оказалась там, в кругу сине-красных фуражек. Поняла – это НКВД. Предложили должность секретаря-машинистки оперативного отдела. Я, скажу вам откровенно, с радостью согласилась, так как выгадывала материально. Оклад мой в 240 рублей сразу возрастал до 756!!! Разница любого бы обрадовала. Так вот с тех пор я и трудилась на одном месте – в штабном отделе. Офицеры Управления особых отделов, а затем СМЕРШа обслуживали подразделения Генштаба и центральных управлений РККА.

– Надо понимать, что генштабовский отдел всегда был первый?

– Нет, нумерация менялась, а вот по степени опытности у нас всегда были высокие профессионалы. В Первом мы с вами работали!

– Вы застали войну, работая на Лубянке, застали руководителей тех лет, оперативных работников. Расскажите подробнее об этом периоде – молодому поколению будут интересны подробности.

– Общеизвестно, что недавнее забывается быстрее, чем давнее. Оно цепче держится – такая уж особенность человеческой памяти. Действительно, я всю службу прошла в «генштабовском» отделе – подразделении центрального аппарата военной контрразведки. Начала я работать при начальнике 4-го (Особого) отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР генерале Викторе Михайловиче Бочкове. Кстати, он был участником боевых действий на Халхин-Голе и в войне с Финляндией. Закончил службу, кажется, в звании генерал-лейтенанта.

Его сменил уже начальник военной контрразведки Анатолий Николаевич Михеев. С августа 1940 года его должность называлась так: начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. Вскоре после реорганизации, это было зимой 41-го, он стал начальником 3-го управления Наркомата обороны СССР. Скромный и красивый был мужчина. Помню, как сегодня, 19 июля 1941 года он был назначен начальником Особого отдела Юго-Западного фронта. Погиб в начале войны при отступлении Юго-Западного фронта на территории Полтавской области…

* * *

Со многими начальниками работала…

Работала при Викторе Семеновиче Абакумове, а потом при быстро сменявшихся руководителях: Селивановском, Королеве, Едунове, Гоглидзе, Леонове, Гуськове, Фадейкине, Циневе, Федорчуке, Устинове. Вышла на пенсию в 1981 году при генерале Николае Алексеевиче Душине.

Вот видите, сколько мне лет и скольких начальников я пережила!!! Без кокетства, скажу прямо: за девяносто перевалило, а жить-то хочется. Есть желание увидеть новую Россию в блеске славы и мощи. Кризисов не боюсь – всегда их хватало, а мне сегодня всего хватает. Да и много ли мне надо?! Меня в мои годы теперь больше заботит уже не столько качество жизни, сколько количество прожитых лет.

– При каких обстоятельствах вы застали начало войны?

– Войну, мои дорогие, я застала профессионально – печатая на машинке, как всегда, срочный материал. Завывание первых бомб над Москвой услышала только через месяц после фашистского нашествия – 22 июля 1941 года. А в конце августа, точной даты уже не помню, я регистрировала оперативные документы: обобщенные справки, агентурные сообщения, приказные брошюры и прочие материалы. Вдруг мой слух четко уловил работу быстро приближающегося самолета. Потом этот звук перешел в дикий рев. Когда я подбежала к окну и взглянула вверх… Боже мой! Буквально вдоль Лубянки на не очень большой высоте пронеслось темное крыло с черно-белым крестом. Затем раздался страшный взрыв с оглушительным треском и звоном разбивающихся стекол. Земля содрогнулась. Я мышкой шмыгнула в подвал – там было наше бомбоубежище. Углового четырехэтажного дома по улице Кирова – теперь это Мясницкая, как не бывало. Удивительно сегодня, но за сутки москвичи буквально руками разобрали кирпичные завалы рухнувших стен, и к утру следующего дня на месте дома образовалась чистая площадка. Конечно же, были человеческие жертвы.

С началом войны все без исключения – и оперативный состав, и руководители отделов – ушли на фронт. А какие красивые мужчины служили в нашем штабном подразделении – с ума можно было сойти, глядя на них в гимнастерках при ремнях и портупеях. Военная выправка у всех была исключительная – наглаженные, подтянутые, подстриженные… Надо заметить, никто из «стариков» не вернулся с войны в родной отдел. Большинство погибло на фронтах.

– А кем же заменили «красивых мужчин»? Работа ведь не должна была остановиться?

– Конечно! Пришли выпускники высшей школы НКВД и разных курсов, которые тоже ездили в командировки, а некоторых направляли на фронт. Но постепенно, по мере продвижения Красной армии на запад, утечка кадров замедлялась.

– А какой был режим работы на Лубянке при объявлении воздушной тревоги?

– В нарушение указаний сверху продолжали работать. Ведь было много срочных документов. Окна занавешивали плотными шторами, стекла во избежание ранения прохожих заклеивали крест-накрест бумажными лентами. Правда, руководители нас ругали за то, что не заботимся о своем здоровье и жизнях.

Требовали спускаться в бомбоубежище. Но разумные доводы начальства тогда никого из нас не убеждали. Молодые были, горячие. Тогда мы не размышляли над тем, что молодость – это недостаток, который быстро проходит. Нам казалось – впереди вечность.

Однажды во время воздушной тревоги я побежала с напечатанным документом к Виктору Семеновичу Абакумову. Он внимательно прочитал, встал из-за стола, поправил широкий армейский ремень на ладно сидевшей на нем гимнастерке из темно-зеленого габардина с накладными карманами. Потом заложил руки по-толстовски за пояс, как он нередко делал, когда у него поднималось настроение и, сверкнув карими очами, совсем не строго спросил: «А почему это вы, Валентина Андреевна, нарушили рабочий режим в центральном аппарате – не укрылись вовремя в подвале? По зданию ведь объявлена воздушная тревога! Она же всех – всех касается».

И вот тут я его поймала. «Товарищ начальник, – сказала я, – потому что знала, вы же будете ждать этот документ, он же очень срочный. Использование его связано с жизнями наших солдат и офицеров на фронте. А еще: где бы я вас искала, если бы вы сами «побежали» в бомбоубежище?» «Ух, и язычок у тебя! Ишь, как повернула! Быстренько нашлась, что ответить», – улыбнулся начальник явно в настроении и, поблагодарив за срочно отпечатанный материал, отпустил.

Как говорится, простите за тавтологию, необычные случаи обычно повторяются. Я часто носила ему и запечатанные конверты, и открытые документы. У меня о нем осталось самое приятное впечатление. Он нам, секретарям, никогда никаких разносов не учинял.

– Какой все-таки был Абакумов: апостол или тиран СМЕРШа? Ведь вы его часто видели в работе. Каким виделись вам его портрет: внешний вид, черты характера, отношение к подчиненным?

– Красавец – вот мое обобщающее слово, говоря о внешнем виде Виктора Семеновича. Комиссар госбезопасности 2-го ранга был высок, спортивного телосложения. Мыслил он глубоко и перспективно. У него всегда были аккуратно зачесанные назад темно-русые волосы. Его открыто смотрящие на собеседника карие глаза, прямоугольное лицо и высокий лоб выдавали решительную, сильную и смелую личность. Характером был крут, но за дело. Но вот что я заметила: к молодежи, хотя и сам был молодым – за тридцать, относился с заботой, а вот нерадивых начальничков часто распекал за явные ошибки и просчеты. Они иногда в сердцах жаловались на него в секретариате. Но самое главное – о его порядочности говорит тот факт, что, находясь на нарах за решеткой – в следственном изоляторе, он никого не оговорил и свою вину в предательстве полностью отрицал, несмотря на страшные пытки и издевательства.

Недавно я прочла книгу историка Олега Смыслова «Генерал Абакумов» – советую почитать. Там есть много подробностей о режиме содержания Абакумова и его поведении на следствии.

В ноябре 1952 года, по распоряжению министра госбезопасности Игнатьева, заключенного № 15 (Абакумова) поместили в камеру № 77. Его со средневековой жестокостью заковали в кандалы, которые снимали только во время приема пищи. Какое зверство! Неужели мы, русские, такие? Нет, нет и еще раз нет! Преступники, совершившие преступления, не имеют национальности. А вот допрашивали таким способом генерала – преступники.

Потом, правда, «смягчили» режим содержания – остальное время суток арестованный сидел в наручниках. Причем в дневное время – руки за спину, а в ночное время – руки на животе. Многие следователи, что ужасно, – наши коллеги, пытались сломить его, но он не проявил ни малейшей слабости. Абакумов не дал им повода выбить из него нужные Сталину, а потом и Хрущеву показания. Последний его очень боялся, понимая, что всесильный хозяин СМЕРШа много знает, какую кровь и сколько этот партийный работник пролил на Украине и в Москве. Угробили Абакумова его завистники и шептуны возле Тела.

И все же невозможно не отметить его заслуги перед Отечеством – невозможно отрицать факт успешной работы военной контрразведки во время войны. Я думаю, это мои коллеги той поры из СМЕРШа, руководимые Виктором Семеновичем, в буквальном смысле спасли Красную армию от развала и паники в самое тяжелее начальное время войны. А еще я считаю – это мое личное мнение: нельзя судить человека той сумасшедшей эпохи по меркам сегодняшнего дня, как это недавно делала быстро перекрасившаяся партийно-политическая элита. Чего стоят, например, откровения бывшего заместителя начальника Главного политического управления Советской армии генерал-полковника Волкогонова, ставшего сразу же после 1991 года помощником Ельцина. Быстро поменял окрас, лишь бы попасть в новую властную нишу. Но за этот грех его и ему подобным, наверное, придется отчитываться перед Божьим Судом. Да, ну их в… Продолжим лучше о Викторе Семеновиче.

Как физически крепкий молодой мужчина, он любил спорт. Его главной спортивной страстью был футбол, он опекал нашу ведомственную команду «Динамо». Говорили сотрудники, что ни один интересный матч он не пропускал, как Брежнев хоккейных баталий.

Причина его падения – скажу по-простому – элементарная человеческая зависть. И старые кремлевские сидельцы с глубокими корнями в политике, и новые, смотревшие им в рот, не могли простить ему того, что Сталин чисто внешне так близко приблизил Виктора Семеновича к себе и назначил министром госбезопасности СССР. Берия на этот пост все время толкал Меркулова. Они постоянно капали на руководителя МГБ и подкапывались под него.

Есть вина и самого Абакумова, который в последние годы из-за близости к вождю посчитал, что «взял бога за бороду». Он считал по своей простоте и прямолинейности, что у него в

жизни есть только два главных понятия – Вождь и его Последователь, а с остальными «последователями» можно не считаться. Вот и получилось, что эти «остальные» легко подставили молодого министра. Летом, кажется, в июле 1951 года, он был снят с должности министра госбезопасности и вскоре арестован. Расстреляли его при Хрущеве 19 декабря 1954 года в Ленинграде через 1 час 15 минут после вынесения приговора. Ему даже не дали возможность обратиться с просьбой о помиловании.

«Я все напишу в Политбюро», – успел сказать Виктор Семенович до того, как пуля попала ему в голову. Так, во всяком случае, говорят и пишут многие.

Новый вождь, еще раз подтверждаю, испачканный кровью невинных жертв, особенно на Украине и в Москве, избавлялся от опасных свидетелей, каким был Абакумов. Руководитель грозного и всевидящего СМЕРШа много знал об ошибках и даже преступлениях новых поводырей советских людей.

В это же самое время по указанию Хрущева был арестован и один из руководителей внешней разведки генерал-лейтенант Судоплатов, отсидевший по прихоти нового вождя 15 лет, как говорится, – от звонка до звонка. А вина одна-единственная и, естественно, надуманная – работал при Сталине и Берии. Но разве человек виновен, что родился в такой период?! Судьба слепа, но разит без единого промаха.

– Не Фортуна слепа, а мы зачастую идем по дороге жизни с закрытыми глазами…

– И это верно. Мог бы Виктор Семенович и разглядеть пороги на реке событий и перспектив службы. Высота и знание обстановки позволяли.

– Валентина Андреевна, распространялся ли на женщин, сотрудниц СМЕРШа, сталинский режим работы? Имею в виду ночные бдения и большой перерыв на обед.

– Конечно, и в войну, и до самого 1953 года мы работали с 8:00 до 23:00, а то и дольше, с перерывом на дневной отдых между 15:00 и 20:00. Много работали и, естественно, уставали, особенно пальцы и мозги. Как тогда говорили мои коллеги-машинистки: работают руки – кормит голова.

– При таком режиме не боялись ходить ночью по улице?

– А кого было бояться? Действовал комендантский час. Москва была пуста. Я жила в малюсенькой комнатушке в коммунальной квартире в районе Чистых прудов. Всегда смело шла домой, была уверена – никто не нападет. А если и встретиться хулиган или бандит – патруль тут же придет на помощь. На всякий случай я носила свисток с шариком. Это не то что сейчас. Кричи не кричи – все равно тебя ограбят. Люди стали не те. Обеднели душой, здоровую ментальность потеряли. Молодежь стала равнодушна, облученная западной поганью из телеэкранов: кровь, пьянство, наркота, секс и деньги, деньги, деньги… Пустота. А отсюда и порог болевого восприятия в обществе понизился до нуля, как образно говорят, – до уровня плинтуса.

– Как вы оцениваете современные кино- и телефильмы о ваших коллегах периода войны?

– О работе наших ребят во время войны в основном врут фильмы и их создатели… Посмотрела «Штрафбат» и «Смерть шпионам» – передернулось что-то внутри и захотелось сразу же хорошо умыть лицо и руки. Сколько в этих картинах неправдоподобия, грязи, напраслины. Несправедливость так и прет из каждого показанного эпизода. Так и хочется спросить: а кто заказывает эти пасквили? За какие деньги? Наверное, за бюджетные – за средства налогоплательщиков. Неужели государственным чиновникам безразлично, какое дурное пойло способна пить молодежь? Так мы скоро и Россию потеряем, как потеряли Советский Союз. У предательства одно лицо и нравы одни. Молодежь надо воспитывать на героизме, а не на мерзости… Увы, в нашем несовершенном мире гораздо легче избавиться от хороших привычек, чем от дурных…

* * *

Племянница принесла старые альбомы с затертыми и обломанными на углах черно-белыми фотографиями. Мы подолгу всматривались в просветленные лица людей того поколения. Вот Валя с одноклассниками, потом молодая девушка где-то на улице Москвы… А тут уже Валентина Андреевна в гимнастерке с погонами старшего лейтенанта госбезопасности, орденом и медалями на груди. С разрешения хозяйки мы перефотографировали некоторые снимки и записали несколько монологов на диктофон.

Потом заговорили о приближающейся весне. Сразу же лицо Валентины Андреевны посветлело и потеплело.

– Знаете, мои дорогие, давайте выпьем по три чарки, – предложила она. – Сначала помянем ушедших, потом за здоровье живущих, а третью – за процветание Отчизны.

Мы согласились!..

– Выпьем за тех моих друзей по Лубянке, которые в 41-м ушли на фронт и не вернулись. Они были чистыми людьми, а не жупелами, какими пытаются их бедных и несчастных сегодня изобразить. Молодые, погибшие на войне, как изъятая из года весна. Служба в военной контрразведке – это была настоящая и постоянная война. Знаете ли вы, что средний срок службы оперативника госбезопасности – военного контрразведчика СМЕРШа на фронте, составлял около трех месяцев – до выбытия по смерти или ранению.

А что видим сегодня: историю переписывают, все время мажут черной краской, памятники рушат, а ведь их много не бывает, по могилам предков стервецы топчутся, дома, в том числе исторической значимости в столице, поджигают ради какой-то «точечной застройки». Не по-христиански, братцы, это все! Ох, не по-людски!..

Чокнулись только два раза – за здоровье собравшихся и за Отчизну.

– Моя память держит большой список тех, кого сегодня нет с нами… Пусть земля им будет пухом, – опять она вернулась к теме павших.

Иришка сидела за столом и только внимательно слушала в знаменательный день свою любимую бабушку и пришедших к ней двух седовласых «молодых» ветеранов – ее недавних и последних коллег по службе. Судя по реакции, ей было интересно послушать о зазеркалье далекой жизни, в которой она совсем не ориентировалась.

Потом, когда вновь заговорили о войне и ушедших на фронт молодых оперативниках, девушка встрепенулась и промолвила:

– А Валентина Андреевна в войну и за войну тоже награждалась.

Мы вопросительно взглянули на хозяйку стола.

– Почему мы никогда не видели у вас наград? На День Победы вы прикрепляли на груди только красный бант или гвардейскую ленточку. Понимаем, вы считаете нескромным перечислять все награды, которыми были отмечены за службу на Лубянке. Но назовите, пожалуйста, хотя бы самые дорогие вашему сердцу правительственные награды?

– Я бы все показала, только уже не помню, куда убрала. А что касается самых дорогих, то это, конечно же, орден Красной Звезды, полученный в тяжелом и трагичном 41-м году и медаль «За оборону Москвы», которую мне вручили уже в конце войны. Они самые дорогие для меня.

Время пробежало быстро, и, когда стали прощаться, Валентина Андреевна смахнула передником набежавшую слезу и промолвила, задыхаясь от волнения:

– Заходите чаще, я вас всегда буду ждать! Мне уже осталось чуть-чуть, поэтому каждый ваш визит – это путешествие не в терра инкогнито, а в очень знакомую страну под названием «Лубянка»!

Смотрел я в это время на чуть покрасневшее от наперсточных порций «Столичной» лицо нашей Валентины Андреевны и думал, каких красивых внешностью и душой создавала «тоталитарная» система! Она их не обкрадывала нравственно, не заставляла по-большому торговаться совестью, не прививала иглой индивидуализма холодного равнодушия. И она их не втравливала в жизненную гонку за длинным, часто дурно пахнущим рублем. То тяжелое время их закалило морально и сделало порядочными людьми на всю оставшуюся жизнь.

Уверен, такими они будут всю оставшуюся жизнь, до последнего вздоха…

Шифровальщица Мария

Младший лейтенант в отставке Мария Ивановна Диденко, участница Сталинградской битвы, сотрудница военной контрразведки Московского округа ПВО и центральных аппаратов МГБ СССР и 3-го Главного управления КГБ СССР.

С Марией Ивановной Диденко автор этих строк знаком с 1974 года по службе в центральном аппарате военной контрразведки КГБ СССР. Это человек удивительной судьбы. За 15 лет совместной работы она ни одним словом не обмолвилась о боевых фронтовых буднях. Считалась участницей войны, которых в 70-х годах было достаточно в подразделениях военной контрразведки.

И вот встреча четверть века спустя.

Мы сидим с Марией Ивановной в Совете ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ, расположившемся в бывшем здании Особого отдела Московского военного округа на Пречистенке, 12, и мирно беседуем о долгом жизненном пути. Если честно, мне очень хотелось услышать ее воспоминания о работе в СМЕРШе, ведь она никогда об этом не говорила.

– Мария Ивановна, расскажите, пожалуйста, где проходила ваша служба в годы войны, в том числе и период СМЕРШа. Время, наверное, было не из легких?

– Вы правы, мне нынче перевалило за девяносто, но даже сегодня физически легче идти по жизни за плечами с таким мешком солидных лет, чем в период военного лихолетья. Хотя была молодой и сильной. Нахлебалось горя наше поколение. Я была на войне больше в окопах, на маршах, в отступлении и наступлении, чем в кабинетах. Свою жизнь в СМЕРШе я бы скорее назвала походной.

– А как вы попали в органы госбезопасности?

– Жила я до войны в Москве, на Сретенке, с мамой и сестрой. Окончила восемь классов и решила поскорей освоить какую-нибудь конкретную профессию. Хотелось поскорей помочь маме. Поступила в строительный техникум. Сразу же влилась в круговорот активной жизни. Меня избрали секретарем комсомольской организации.

Отучившись два курса, по рекомендации райкома комсомола в 1940 году была направлена в органы НКВД. Меня определили в 3-е Управление народного комиссариата Военно-Морского флота СССР. Назначили на должность помощника оперуполномоченного. Первым моим начальником в органах был комиссар госбезопасности Петр Андреевич Гладков. Осенью 1942 года подразделение переименовали в 9-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР. В этом отделе я познакомилась с моей коллегой Антониной Николаевной Смирновой, красивой и статной женщиной. Через некоторое время я заметила, что после отдельных звонков она краснела и отвечала на вопросы позвонившего ей неизвестного мне человека как-то сбивчиво, невпопад, словно волновалась с ответами. Понижала голос, чтобы я не услышала, о чем шла речь.

«Тоня, ты чего вся горишь от стеснения, влюбилась что ли?» – спросила я однажды после такого звонка.

Антонина еще больше покраснела и призналась, что на нее «положил глаз» сам Виктор Семенович Абакумов.

«Ну и что, значит понравилась». – «Стыдно…»

Со временем они стали прогуливаться по Кузнецкому мосту – замечали наши сотрудницы. Красивая была пара.

И действительно, со временем наш шеф развелся с первой женой, и второй его супругой стала моя подруга. У них родился сын. В 1951 году, после ареста Абакумова, задержали и Антонину Николаевну вместе с двухмесячным сыном. Ребенку пришлось организовывать в заключении детское питание: у матери на нервной почве пропало молоко. Рассказывали, что следователям приходилось подкармливать младенца…

– Какая она была?

– Внешне чуть выше среднего роста, лицо слегка продолговатое, русые волосы, глаза серые с голубизной. Кожа лица отливалась аристократической белизной. Одевалась она со вкусом. Помню, любила ходить в голубом кашемировом платье. Девчата, наши сотрудницы, были без ума от этого красивого платья…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.